

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



**ОГОНЁК**

№ 13

1982



*Назым ХИКМЕТ*

# Я СОВЕРШИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»



БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Назым ХИКМЕТ

**Я СОВЕРШИЛ  
ПУТЕШЕСТВИЕ**

СТИХИ

*в переводах М. ПАВЛОВОЙ*

Москва. Издательство «ПРАВДА»  
1982

## **Назым ХИКМЕТ**

*Назым Хикмет, известный турецкий поэт-коммунист, родился в 1902 г. в г. Салоники. Девятнадцати лет приехал в первый раз в Москву и вскоре стал студентом Коммунистического университета трудящихся Востока. С этих пор его поэтическая деятельность неразрывно связана с борьбой политической, с борьбой за свободу и счастье своего народа, с борьбой, которая не прекращалась все 17 лет тюремного заключения поэта.*

*Последние 13 лет (1951—1963) Назым Хикмет жил в Советском Союзе. Он был членом Бюро Всемирного Совета Мира и лауреатом Международной премии мира.*

*Наследие Назыма Хикмета велико — здесь и стихи и проза, поэмы и пьесы. Советскому читателю известны такие его поэмы, как «Зоя», «Симфония Москвы», такие пьесы, как «Чудак», «Дамоклов меч», «Легенда о любви» и другие. Стихи и пьесы Назыма Хикмета переведены почти на все языки мира. В Советском Союзе стихи Назыма Хикмета издавались неоднократно как на русском языке, так и на языках всех наших республик.*

## Я СОВЕРШИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ

Далеко, далеко в ночное небо  
огни аэродромов ударили светом,  
словно зажгли там  
белый пожар.

Поезда,  
которые я пропустил,  
сверкнув, исчезли во мраке,  
что-то умчав от меня...  
Я совершил путешествие.

Я совершил путешествие...  
Глаза у людей были мутно-белыми,  
мертвечиной пахли гнилые воды...  
Я прошел  
через болото лжи и глупости,  
не затерявшись в камышах  
в рост человека.

Я совершил путешествие  
вместе с женщинами, сидевшими согнувшись  
в три погибели,  
уложив кулаки на тощих своих животах,  
вместе с женщинами, бежавшими босиком,  
подгоняемыми ветром,

вместе с мертвыми,  
с теми, забытыми на полях сражений  
и баррикадах...

Я совершил путешествие,  
пройдя по асфальту  
мокрых от утреннего света городов,  
по которому в грузовиках  
везли заключенных...

Я совершил путешествие  
и не насытился  
ни виноградом,  
раздавленным твоими белыми зубами,  
ни постелью твоей,  
напоминающей пасмурный  
летний  
полдень.

Я совершил путешествие.  
На строительной площадке  
были новые здания,  
как молоденькая сосенка,  
свежезеленой  
была надежда  
и на тысячу метров под землю  
на лбу у людей  
горели рудничные лампы.

Я совершил путешествие  
при свете луны,  
при свете солнца,  
при свете дождя,  
вместе с четырьмя временами года,  
вместе со всеми временами,  
вместе с травой, насекомыми, звездами,  
вместе с честными людьми нашей планеты,  
нежными, как скрипка,  
безжалостными,  
как еще не умеющий говорить ребенок,  
безрассудно храбрыми,  
как еще не умеющий говорить  
ребенок,  
готовыми умереть с легкостью птицы  
и жить тысячу лет.

*1948 г. Бурса. Тюрьма.*

\* \*  
\*

Пока не заблестят вершины на рассвете,  
пока заря не разрумянит воды,  
вытаскивайте, братья, сети.

Пуškai столкнутся грудью с темнотой,  
пуškai наполнятся до края наши лодки  
кишащей рыбою с горящей чешуей...

Пока не заблестят вершины на рассвете,  
вытаскивайте, братья, сети.

1929

## МОЕ ПЕРВОЕ ПИСЬМО К ЖЕНЕ

*Бурса, тюрьма.*

Милая,  
если будет все-таки амнистия,  
три дня

я буду гладить твои волосы...

Дитя мое, моя жена,  
сегодня мне не спится,  
поют невидимые птицы

на красных, как огонь, деревьях,  
в глазах, как огненный туман, мерцает

твоих волос тяжелая копна...

У милой губы из граната,  
глаза из янтаря,  
а волосы из золота у милой...

На то, что выйду, не надейся зря.  
Амнистия про нас забыла.

. . . . .  
Смотри, как странно, как прекрасно

блестит луна,

посеребнив железную решетку

тюремного окна...

Я знаю, что однажды я вернусь

к луне, которую не будет

делить решетка на куски...

Вернусь к тебе,  
вернусь к борьбе...

Жена,  
идет зима.  
Пришли мне теплые носки.

Один из нас снаружи этой двери,  
другой внутри.  
Кто знает, сколько зим  
нам предстоит так провести?  
Но не печалься обо мне —  
воспринимающая краски,  
                                слышащая звуки,  
                                голова моя, —  
                                всегдашний мой товарищ,  
                                чи руки крепко я держу внутри себя,  
мне помогает превращать  
                                часы и дни — в недели,  
                                недели — в месяцы  
                                и месяцы — в года.  
Блестит решетка от лучей луны...  
Подумай, мы однажды  
  встретиться должны!

Позор врагам.  
Друзьям привет.  
Дети мои, вы в сердце моем.  
Прости, я утомил тебя своим письмом.  
Твой муж Назым Хикмет.

25.X.1933 г.

### **КАК ТЫ ТАМ ПОЖИВАЕШЬ?\***

И к моим рукам протягивались десятки рук,  
рук, которые с уважением вешали  
фотографию мою в красном углу.  
А вот здесь, за каменной этой стеной,  
никто не ищет меня, не интересуется мной...

Э-эх, да это и лучше, что получается так —  
моя благодарность достанется только тебе,  
и ты, рука, о которой в хорошую пору мою я забывал,  
напиши мне, пожалуйста, как ты там поживаешь?

*Бурса. Тюремный лазарет.*  
15.X.1933 г.

---

\* Этот акростих посвящается Ирфану Эмину, адвокату, много раз защищавшему Назыма Хикмета на судах.



## ИДТИ

Идти,  
всех неидуших  
бросив позади,  
                как улицы пустынные,  
всем телом воздух разрывая,  
подобно дулу маузера,  
                глядя  
                в зрачки пустые темноты,  
  идти.

Идти,  
плечом плеча друзей касаясь,  
подставив ветру голову,  
в кулак взволнованное сердце зажимая,  
  идти.

Идти  
и знать,  
        засада впереди  
                и сзади некому тебя спасти,  
  идти.

Идти  
от всей души  
смеясь в пути,  
                идти.

1935 г.

## МОИ ЗНАКОМЫЕ В РОССИИ

— Товарищ Назым,  
                пять лет моей дочери.  
Отец ее —  
        девятьсот двадцать первый год.  
Мою дочь  
        баюкала песня рабочего,  
строителя здания,  
        которое строит народ.  
За рядом ряд  
бегут кирпичи,

растет  
        новое здание,  
сегодня в нем  
новые ткачи  
ткуют новые  
        цветастые ткани.  
Дочь моя выросла,  
читает букварь.  
Выросла и я —  
за философию нынче берусь я...

Стол.  
За столом  
        напротив меня  
в белом платье  
        товарищ Маруся.  
Фотографии глядят на нас со стен,  
тут рабочие,  
        снятые на фабричном дворе,  
        строители, моряки,  
на них надписи  
        по-китайски, по-татарски, по-русски.

Стол.  
На столе украинский кувшин.  
Гвоздики.  
Голос Маруси:  
— ...восемнадцатый год...  
Бронепоезд идет.  
Едем в Киев.  
Ночь.  
Снег.  
Мороз.  
Украинские степи под снегом спят.  
Тишина.  
Только стук колес.  
Ночь.  
Снег.  
Мороз.  
В теплушке наши спят.  
В открытую дверь  
        влетают звезды.  
Бронепоезд мчится,  
        как шелковый плат  
        разрывая морозный воздух.

Бронепоезд мчится в ночной туман...  
Товарищи спят давно.  
Я не сплю,  
сторожу двух крестьян  
пленных, из банды Махно.  
Их глаза

без слов молят меня,  
черные от тоски:

«Отпусти...  
нас голодные ждут быки...  
ждет земля...  
отпусти...  
отпусти...»

Дверь открыта.  
За нею ночная мгла.  
А звезды летят, летят...  
Я могла застрелить их —  
не могла

видеть этот молящий взгляд...  
Отвернулась...  
Не прошло двух секунд...  
Им в глаза взглянуть не могу...  
Повернулась,

вижу —  
два страха бегут,

бегут,  
по колено в снегу...

Маузер...  
Прошла секунда...  
Две...

**НАС ГОЛОДНЫЕ ЖДУТ БЫКИ...**  
три секунды...

**ЖДЕТ ЗЕМЛЯ...**  
четыре...

**ОТПУСТИ...**  
Дрогнула мушка...  
пять, шесть, семь...

снег завился воронкой,  
как в метель...

Шесть пуль пустила,  
ни одна  
не угодила в цель...  
И как не попала в них тогда,  
до сих пор понять не могу!

Ведь я не раз  
попадала в глаз  
летающего журавля...  
Да, я должна была попасть,  
я знаю, имени врага  
не спрашивают в бою...  
Нельзя охранять  
революции пост  
с сердцем мягким, как воск...  
. . . . .

Ночь.  
Снег.  
Мороз.  
Сколько лет, сколько зим,  
все это как во сне...  
Украинского хлеба хотите, Назым?  
Из деревни прислали мне...  
. . . . .

Стол.  
Товарищ Маруся за столом.  
Скатерть белого полотна.  
На ней  
украинский румяный хлеб,  
пахнувший  
как весна.

1935 г.

## РАССКАЗ О ЮСУФЕ

### 1.

Коротенький рассказ,  
рассказ о Юсуфе,  
не стоит на нем останавливаться долго.  
Юсуф был зрителем на дальяне,  
в одном из портов Средиземного моря.  
Часы в этом порту  
шли грязными босыми ногами,  
на рынке гнили  
разноцветные фрукты,  
дети на берегу моря  
таскали  
крупных дохлых рыб.

И Юсуф на дальяне,  
подставив грудь соленому влажному ветру,  
плавал с высоты своей вышки

на выстроившиеся у берега лодки,  
похожие на арбузные корки.

Он наблюдал, как стаи рыб,

подобные журавлиным стаям,  
появлялись в дальяне.

Без радости и без печали

делал он свое дело.

Он не знал цены той вещи,

которую называют «размышление».

Не был он

ни очень доволен,

ни опечален,

что явился на свет.

И однажды,

когда всё так же

часы шли,

фрукты гнили,

дети таскали дохлых рыб,

скумбрии со змеиной кожей

не во время заплыли в дальян...

В этом не было вины Юсуфа

и все же его прогнали с вышки.

И как только Юсуфа оторвали

от лодок, плавающих, как арбузные корки,

и от рыб, приплывающих в сеть стаей,

похожей на журавлиную стаю,

в этом огромном мире, Юсуф

остался голодным, как ставридка.

Однажды утром он украл лодку,

в тот же вечер его схватили.

И так,

не сердясь и не печалься,

и, может быть, даже не очень-то заметив,

он снаружи железных решеток

перешел на другую их сторону, вовнутрь.

В тюрьме Юсуф курил гашиш,

играл в кости, не платя надзирателю дани.

Однажды в драке

семь раз был ранен,

однако не опрокинулся, не распластав на земле

главаря, ведущего игру.

В тюрьме,  
подобно лесному зверю,  
  смелый,  
  хитрый,  
  трусливый,

проводил он дни  
  незаметно.  
И вот мы с Юсуфом на воле,  
  на море,  
  под парусами,  
Юсуф, согнувшись в три погибели, стоит на коленях.  
Вечер, подобный голосу смуглой толстой женщины,  
ни к детской радости,  
ни к горьким страстям  
  его не зовет.

И волны,  
проходя мимо глаз его,  
  не оставляют ни капли света.

Он первый раз в жизни  
  далек от того места, где находится,  
он первый раз в жизни  
  размышляет.

## 2. БУТЫЛКА В МОРЕ

На море  
дул мертвый ладосский ветер.  
Волны,  
как ленивые грузные рыбы,  
ворочались, точно глухонемые,  
ворочались, никуда не устремляясь,  
ничем не усмиряемые,  
ничего не побеждая,  
не раскалываясь, не пенясь,  
ворочались  
  в беспросветной скуке.

Во власти этих проклятых волн,  
восточней Туниса, северней Мальты,  
плыла наша посудина, как деревянный гроб.  
Скрежетали мачты, снасти, обшивка,

в каком-то бессонном бреду,  
подобно заупокойной молитве.  
И одна за другой, одна за другой  
лезли в голову мысли,

лезли в голову страшные, скверные мысли  
о том, что жизнь коротка,  
о печалях обыденных и обычных,  
и тут на воде

я увидел ее...

Бутылка!

Протянув свою темную шейку к солнцу,  
вдалеке от земли и людей,  
одна-одинешенька,  
она плавала,  
то выныривая, то опять исчезая,  
и ворочающаяся масса

мертвой воды

еще более

увеличивала,

делала невыносимым

ее страшное одиночество...

Юсуф подошел к штурвалу.

Мы приблизились к ней.

И как будят ребенка от страшного сна,

мы достали ее из воды.

Она была темная и холодная.

Внутри оказалась записка.

Я прочитал:

«Мы больше не можем держаться!

16-го сентября 1823 года,

у входа в Гибралтарский пролив,

мы повесили наши рубахи

на стеньги большого марсея

и капитана

на бизань-мачте.

Но парусники нас окружают.

Братья!

Если эта бутылка попадет к вам в руки,

сообщите тем, кто нас ждет,

что трехмачтовый фрегат «Ирма»

был потоплен в Гибралтарском проливе!»

Юсуф посмотрел на меня.

— Опоздали,— сказал он,—

на целых сто лет.

— Нет, Юсуф,— я ответил,— не опоздали,—

мы с тобой идем в Барселону!

1937 г.

\* \* \*

Женушка,  
сколько тебе лет,—  
я не задумывался об этом  
и не буду задумываться никогда.  
Тебе три года,  
ты моя дочка,  
задира, шалунья, егоза,  
ты — моя восемнадцатилетняя возлюбленная —  
оленуха,  
у которой тонкие бабки  
и огромные виноградные глаза.  
Ты моя мать,  
тебе шестьдесят.  
Ты мой товарищ  
без пола и возраста,  
рядом с которым  
я множу в борьбе усилия,  
товарищ,  
дающий мне советы  
и в минуту опасности  
раскрывающий надо мной  
свои крылья.

Женушка,  
сколько тебе лет,—  
я не задумывался об этом  
и не буду задумываться никогда.  
И я не верю, что в этот мир  
ты пришла зимним днем,  
нет, в день, когда родилась ты,  
была весна,  
когда земля  
пробуждается ото сна.

17. XII. 1940 г.

\* \* \*

Уж день в разгаре, милая,  
и небо шире...  
И так светло,  
так ярко стало в мире,  
как будто  
все в нем залито водой,  
как будто ты, любимая,  
со мной,  
здесь,



рядом,  
в камере,  
от солнца золотой...

1940 г.

\* \* \*

Может быть, потому,  
что быть не могу  
там, где хотел бы,  
эта тоска во мне,  
в эти ясные зимние дни,  
например, в Стамбуле моем,  
на мосту,  
например, в Адане,  
среди батраков,  
например, в горах Греции,  
или у изголовья той,  
которая больше меня не любит..  
Или печень опять меня донимает?  
Или сны дурные меня одолели?  
Или это опять одиночество давит?  
Или, может быть, эта тоска потому,  
что к пятидесяти  
лестницу я приставил?  
Эта тоска во мне,  
эта вторая глава тоски во мне  
так же уйдет, как пришла — на цыпочках,—  
только закончу то, что пишу,  
только сон мой немного наладится,  
только придет сюда  
порадовать  
письмо чье-нибудь  
или весть по радио...

1940 г.

\* \* \*

Запах герани в горшке.  
Шум прибоя вдали.  
Набрякли земля и тучи.  
Осень.  
Любимая,  
мы в расцвете сил,

мне кажется, мы такие могучие,  
мне кажется,  
мы прожили тысячу лет,  
но так и не стали оба  
взрослыми,—  
мы как дети,  
что босиком,  
чуть свет,  
бегут  
между солнечными колосьями...

1940 г.

\* \* \*

Смотрю в твои глаза,  
и запахи земли нагретой  
мне ударяют в голову,  
я падаю  
в созревшую пшеницу...  
Твои глаза  
зеленые, как бездна,  
как вечно изменяющаяся материя,  
они мне каждый день приносят  
крупицу тайны...  
Но никогда  
ее мне не откроют до конца.

1940 г.

### ПЯТЬ МИНУТ

Это случилось однажды под вечер,  
была среда.  
Город был светел,  
погода была хоть куда.  
В городском парке,  
поедая мороженое,  
попивая холодный лимонад,  
последние известия  
слушал народ.  
Заплакал ребенок.  
Овчарка жандармская  
побежала и встала у ворот...

Женщина в синем  
вдруг спросила,

каков тоннаж  
самых больших танков.

И, поднося ко рту

испуг своей белой руки,

муж ее, физик,

продолжал объяснять своей дочке-калеке,  
как устроен уличный репродуктор.

С каштана упал лист.

Какой-то мужчина

смущенно высморкался.

И ровно

в десять минут седьмого

случилось происшествие,

о котором я рассказываю.

Пирайе, Кемаль и я,

мы — снаружи, у ограды парка.

Репродуктор — внутри, как раз напротив.

Репродуктор выкрашен зеленой краской.

Он висел

на длинном железном столбе.

Говорил он

мокрым женским голосом:

«...противник оставил на поле боя много убитых,  
целый моторизованный корпус...»

«Не бойся, земляк!

Что ты так смотришь

на убитых,

брошенных там и тут?

Мертвые не делают людям худого.

Давай-ка поговорим с тобой

пять минут...

Отойдем в сторонку, на пару слов.

Я — Матео,

я — Джон,

я — Ганс,

я — Жильбер.

Четыре солдата

из живых мертвецов».

Кемаль под своим горбом дышит часто...

Еще зеленее глаза Пирайе

от золотых прожилок...

Я думаю сделать заметки...

И услышанное в тот вечер  
передаю все, как было.

«...Четыре солдата

из живых мертвецов.

У нас нет рук.

У нас нет голов.

Знойным днем

мы упали на землю ничком,

прикрыли руками головы...

по нам прошли тяжелые танки...

У нас нет тел,

но больше всего

нам жаль наши руки и головы.

Я,

Жильбер,

гордился своими руками.

Это были огромные

волосатые руки,

сколько раз, усталые,

лежали они у меня на коленях,

и я видел,

как они размышляют.

Они были, должно быть, умнее меня.

Я — Жильбер,

крестьянин из Бретани.

Я —

Матео.

Я очень любил свою голову.

Сердце мое было в ней.

Трижды в неделю голодная,

но уверенная в себе,

сидела она на своем туловище,

украшенная тонкими черными усами.

Я —

Матео,

композитор из Неаполя.

Я — Джон.

Мои руки были,

как два альбатроса

на конце предплечий.

На ладони левой

был след от ножа.

Я —

Джон,

кочегар ливерпульского порта.



## ПИРАИЕ

Как большинство людей  
  в этом новом прекрасном мире,  
мы умеем любить,  
  насколько можем,  
любить друг друга,  
как большинство людей  
  в этом сегодняшнем несчастном мире.

Ты красивая,  
    храбрая,  
    добрая,  
    умная...  
«Вчера» ушло,  
  отслужив свой срок.

И — эй, хозяйка моего сердца —  
«завтра» находится внутри «сегодня»  
подобно тому,  
  как заключен в гусенице  
  заключенный в коконе  
  золотой мотылек.

Любимая,  
ядра покрыты кожурой,  
в нашем звездном саду  
  не срывай ветвей,  
плоды на дольки не разрезай,  
ибо сорванная ветка  
  и разрезанный плод  
  мертвы.

Ты красивая,  
    храбрая,  
    добрая,  
    умная...

Счастлив,  
  кто видит сад,  
  постоянно зеленеющий,  
  постоянно умирающий от жажды,  
через этот постоянно умирающий,  
  постоянно зеленеющий сад  
один и тот же ветер  
  не проносится дважды.

Эй, хозяйка моего сердца,  
подобно большинству  
  в этом сегодняшнем несчастном мире,  
мы умеем любить,  
  насколько мы можем,

любить,  
подобно тем,  
кто будет жить Завтра.

25. VIII. 1942 г. Бурса. Тюрьма.

\* \* \*

Загораются звезды.  
Я вас люблю.  
Тьма ночная все гуще.  
Я вас люблю.  
Два наших сердца,  
как два человека,  
отдельно живущих...  
Я вас люблю.  
Как похожи они на вас,  
на нас,  
лучше нас,  
ребячливее,  
храбрее,  
мы, должно быть, умнее наших сердец,  
расчетливее,  
грешнее.  
Сомневаемся мы,  
и верим мы,  
радость, страхи — для нас,  
тоска — для нас.  
Мы — те, кто смеется и унывает.  
Но не будем чернить наши сердца —  
ничего они,  
кроме любви,  
не знают.  
Будь светом моим,  
султаном моим...  
Я вас люблю,  
Пирайе-ханым.

1943 г.

\* \* \*

Со звездами пришли воспоминанья,  
и сердце ослепил их дальний свет...  
Есть у тебя любовь, Назым Хикмет,  
и это: звуки, запахи и цвет.

1943 г. Бурса. Тюрьма.

## ВЕСНА

Спустившийся с гор,  
расстелившийся всюду туман,  
уже не зимний туман,—  
посмотри,  
в этом тумане, мягком, как детские руки,  
на кустах роз  
отсырела обвязка подвоев.  
Вот-вот на обрезанных деревьях  
затянутся раны,  
на их голых ветвях  
что-то среднее  
между пробуждением и сном.  
Но еще  
ни ростка,  
ни листка.  
Не наступило еще  
февральское потепление.  
Дождь  
всю ночь  
лил как из ведра,  
словно пел победную песню.  
И теперь еще сеет,  
добродушно и храбро,  
улыбаясь по-братски.  
Но, возможно, погода испортится снова.  
Может, даже кончится снегопадом.  
И все же  
весна уже больше, чем обещание,  
она где-то близко,  
где-то рядом...

1947 г.

## ОПРАВДАНИЕ

До чего же короткий путь  
прошли мы  
по этой земле  
среди звезд!  
Мы учились  
беречь огонь костра,



мы зубров одолевали  
с помощью каменного топора,  
лоб у нас становился шире, светлей,  
при виде прекрасного

мы волновались до слез...

Все это было еще вчера.  
Среди нашей родни,  
хоть и были такие, кого меньше, чем нас,  
например, слоны,—  
самые молодые, очевидно, мы.  
Этим все объясняется.  
Вы нас старше, ваш опыт уже позади,  
не укоряйте нас, соседи,

горы и камни,  
птицы, медведи,

просто мы ошалели от ярости,  
мы ужасно несчастны,  
но надежды храним в груди.

1947 г.

## ДРУЖБА

Ты от нас получаешь известья до того, как мы шлем их,  
к нам на крыльях летишь под дождем и под снегопадом,  
ты одна знаешь тайну наших ладоней  
и умеешь разговаривать взглядом.  
Улыбаясь, как честная книга, с наших лиц ты стираешь  
пот, струящийся градом...  
Тот уходит, этот уходит, и вот этот тоже уходит,  
но ты, дружба, останешься, ты всегда с нами рядом.

1947 г.

## ЛИЦА НАШИХ ЛЮБИМЫХ

Наша боль —  
на лицах наших любимых,  
наша боль, наш стыд,  
наша кровь,  
кровь, которой землю багрим мы,  
чистые лбы наших любимых,  
как соха деревянная, бороздит...

Наша радость —  
на лицах наших любимых,  
нашей радостью  
милые наши увенчаны,  
и здание,  
которое хотим возвести мы,  
отражается  
в темных зрачках наших женщин,  
яркое и блестящее,  
как луч солнца,  
проникающий в чашу...  
Наши мечты —  
на лицах любимых,  
след наших желаний,  
нашей тоски,  
они перед нами  
незримые,  
зримые,  
близки к нашей правде  
и так далеки!

\* \* \*

В зеркале жандармского участка  
виражи дороги видны.  
Стоят кровавые тополя  
и с той и с другой стороны...  
Будьте вы прокляты,  
карающим именем  
моей  
забывшей радость  
страны!

1949 г.

\* \* \*

Попадись я себе еще раз —  
не скажу: испей я воды живой —  
если бы двери открылись еще раз,  
войди еще раз я в этот дом,  
я бы снова жил, весь в крови,  
я бы снова жил, ошалев от любви,  
попадись я себе еще раз!

1949 г.

## ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ БАЛАБАНА «НА ТОКУ»

Дочь Фейзи-оглу Али из Сечкёя  
на току  
                  обливает волов водою...  
Волы, как ворота,  
волы красно-лиловые,  
под стать раскаленному кирпичу.  
И я, как волы,  
                  склонил свою голову:  
— Лей воду! Освежиться хочу!

1950 г.

## ТЕЛЕГРАММА УСТАДУ \*

Устад...  
                  приходи, даже если обе руки твои в крови,  
я, как флаг, разверну перед тобой  
                  свою душу.  
Снова сердце мое  
                  упрямо желает остановиться.  
Только в этих тюремных стенах,  
                  безгласно,  
душа на жалкую смерть  
                  не согласна!  
Устад...  
                  приходи, даже если обе руки твои в крови,  
я, как флаг, разверну перед тобой  
                  свою душу.  
Когда лба моего  
                  коснутся губы твои,  
я... в последний раз  
                  спую песню свободы.

3. II. 1950 г. Бурса. Тюремный лазарет.

---

\* В феврале 1950 года Назым Хикмет, находясь в тюрьме города Бурсы, объявил голодовку. Его душеприказчиком был адвокат Ирфан Эмин, которому и посвящено это стихотворение. «Устад» — по-турецки мастер, учитель.

\* \* \*

Женушка,  
это двенадцатый год  
нашей разлуки.  
Двенадцатый год.  
В душе до края тоска...  
Говорю: ты —  
и вижу Стамбул.  
Говорю: Стамбул —  
и вижу тебя.  
Ты, как мой город,  
так же прекрасна  
и, как мой город,  
так же горька.

1950 г.

\* \* \*

Наконец-то  
я приехал в твой город, Самед.  
Опоздал.  
Не увиделись.  
Опоздал на одну смерть.  
Голос твой  
в магнитофоне  
услышать не захотел.  
Не разглядывал твой портрет —  
на фотографии мертвых,  
пока не стали они  
окончательно мертвыми,  
не могу смотреть...

Но настанет день,  
и я отделю  
тебя от тебя,  
и ты перейдешь  
в мир уважаемых воспоминаний...  
Тогда  
смогу и цветы положить  
на могилу твою  
без слез на глазах.  
А потом  
настанет день,



дорога —  
                                во сто лет,  
и в полутьме я  
той женщины  
                                ищу повсюду след,  
сто лет ищу,  
сто лет бегу за нею...

*1959 г., июль.*

\* \* \*

Тебе исполнилось, Анюта, девять лет.  
Когда тебе исполнятся все девяносто,  
изменятся глаза твои,  
                                их блеск и цвет,  
и будешь ты  
совсем другого роста.  
Тебе исполнилось сегодня девять лет,  
и я тебе желаю в день рожденья,  
чтоб, девять лет  
умножив в десять раз,  
одно в тебе не изменило время:  
твой  
в сердце спрятанный  
алмаз.

*12.XI. 61 г.*

\* \* \*

Я не встретил чаек,  
и в погоне за мной  
стаи рыб не мчались  
в волне за кормой,  
и три дня и три ночи,  
как тяжелое горе,  
все текло через тучи  
Балтийское море...  
Я боюсь потерять тебя,  
словно чую беду,  
что вернусь — и ни города,  
ни тебя не найду...

*1962 г.*

## ТАРУССКАЯ ДОРОГА

*К. В. Паустовскому*

Взяв меня от меня, уносит туда,  
по ту сторону, в май,  
дорога тарусская...  
За ее березами то, что я искал и нашел,  
и то, чего я не смог найти.  
С холмов, спускающихся к Оке,  
глядит на меня Марина Цветаева.  
Облака плывут по воде,  
за ветки цепляются.  
Что мне делать, чтобы счастье мое не уплыло  
вместе с этими облаками?  
Видел дом Паустовского, дом хорошего человека, —  
дома хороших людей напоминают мне май,  
все месяцы май, в том числе  
и май Стамбула...  
Мастера не было дома.  
Он в Москве, он лежит, у него боли в сердце.  
Почему у хороших людей боли в сердце так часто?  
Дорога тарусская  
на наших любимых женщин очень похожа...  
Мы вернемся к асфальту,  
и следы наших ног останутся на траве.  
Дорога тарусская —  
это рукопись Паустовского.  
Не знаю, посчастливится ли мне  
пройти еще раз по тарусской дороге  
в каком-нибудь мае...  
На этой старой русской земле  
солнце — вятский павлин.

12.V.1962 г.

\* \* \*

Это был пожар тысяч солнц,  
разбитых в одно мгновение,  
пожар тысяч звезд,  
чей грохот стал пылью.  
Земля разверзлась в самой середине,  
чудовище взлетело к небу,

чудовище было в форме гриба,  
было больше неба...  
Мы пролили кровь, наша кровь проливается,  
мы разрушаемся, потому что мы разрушали.  
Разве адскую эту игру мы начали первыми?  
Может быть, они ее начали?  
Может быть, не они и не мы...  
Но тогда кто же начал?

Я приехал в один незнакомый город,  
чтобы побродить по его улицам,  
чтобы обменяться с людьми словами привета.  
Ни улиц не осталось, чтоб побродить,  
ни людей, чтоб обменяться словами привета...

1963 г.

\* \* \*

Привили к дереву  
молодую ветку,  
погрузили ее в его сердцевину.  
И теперь  
на грубом, диком стволе этом  
будет жить  
надежда нового мира,  
что зародится  
на ветвях без шипов,  
зеленых и чистых,  
и созреют плоды  
с ароматной кожей,  
и появятся  
длинные листья.

## ПЕСНИ КУБЫ

Они внутри света, все в лучах —  
одна женщина, двое мужчин.  
Это — белый, негр и мулат,  
но мы их не различим.  
Посмотри, как глаза их похожи,  
блестящие их глаза,  
такие, как цвет их кожи.



### Их различить нельзя.

Под этим ярким солнцем,  
которое топит и месит,  
смешались кровь их и кожа,  
как эти танцы и песни!  
Их можно всюду встретить,  
в любом неожиданном месте,  
утром, вечером, ночью,  
поодиночке и вместе, —  
это — шумные парни,  
прыгающие в грузовик,  
это — негр огромного роста,  
кудрявый седой старик,  
он стоит, прислонившись к забору,  
у банковских ворот,  
а у ног его, как собака,  
дремлет его пулемет.  
Иногда это —

девушка восемнадцати лет,  
в которую ты влюблен,  
не снимая с пояса пистолет,  
читает стихи в микрофон.  
Иногда это — парень с сумкой в руках,  
смотри — он подходит к заводу,  
к стене приклеивает лист:  
**«ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ».**

Они не теряют никогда  
свои песни, их песни везде —  
они в этой земле, в этих камнях,  
в этой яркой листве.

Это — мякоть плодов нежнейших,  
это — горечь их сердецин,  
это — гибкие бедра женщин,  
это — теплые руки мужчин.  
Их песни — их пулеметы,  
и они не расстанутся с ними,  
они добыли свободу,  
и никто ее не отнимет!  
Они умеют петь и плясать,  
поодиночке и вместе,  
и умирать умеют за то,  
чтоб на родной кубинской земле  
вечно жили их песни!

1961 г.

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

Я совершил путешествие . . . . .	3
•Пока не заблестят вершины на рассвете• . . . . .	4
Мое первое письмо к жене . . . . .	5
Как ты там поживаешь? . . . . .	6
Идти . . . . .	7
Мои знакомые в России . . . . .	7
Рассказ о Юсуфе . . . . .	10
•Женушка, сколько тебе лет• . . . . .	14
•Уж день в разгаре, милая• . . . . .	14
•Может быть, потому• . . . . .	15
•Запах герани в горшке• . . . . .	15
•Смотрю в твои глаза• . . . . .	16
Пирайе . . . . .	20
•Загораются звезды• . . . . .	21
•Со звездами пришли воспоминания• . . . . .	21
Весна . . . . .	22
Оправдание . . . . .	22
Дружба . . . . .	23
Лица наших любимых . . . . .	23
•Попадись я себе еще раз• . . . . .	24
•В зеркале жандармского участка• . . . . .	24
По поводу картины Балабана «На току» . . . . .	25
Телеграмма Устаду . . . . .	25
•Женушка, это двенадцатый год нашей разлуки• . . . . .	26
•Наконец-то я приехал в твой город, Самед• . . . . .	26
Пари . . . . .	27
•Сто лет не видел твоего лица• . . . . .	27
•Тебе исполнилось, Анюта, девять лет• . . . . .	28
•Я не встретил чаек• . . . . .	28
Тарусская дорога . . . . .	29
•Это был пожар тысяч солнц• . . . . .	29
•Привили к дереву молодую ветку• . . . . .	30
Песни Кубы . . . . .	30

Назым Хикмет

### Я СОВЕРШИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

---

Сдано в набор 27.01.82. Подписано к печати 21.04.82. А 00359. Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,70. Тираж 100 000. Изд. № 564. Зак. № 1970. Цена 15 коп.

---

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.



## **ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!**

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов — 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно получить по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

**Желаем удачи!**

**Дирекция Всероссийской  
книжной лотереи.**